

СПЕЦИФИКА СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ. К.Д. КАВЕЛИН И М.П. ПОГОДИН

А.О. Белоус

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

55523@mail.ru

Статья посвящена исторической и философской дискуссии К.Д. Кавелина и М.П. Погодина.

Ключевые слова: история философии, философия истории, концепция, социальная философия, социогуманитарное познание.

В 1847 г. в № 1 «Отечественных записок» К.Д. Кавелин опубликовал рецензию на вышедшую в 1846 г. книгу М.П. Погодина «Историко-критические отрывки», в которой были собраны статьи за разные годы. Свою рецензию Кавелин начал с определения места Погодина в русской историографии первой половины XIX в.

Погодин, по словам Кавелина, «был одним из тех немногих исследователей, которые старались подойти к фактам поближе и взглянуть на них проще, нежели их предшественники»¹. Он начал свою научную деятельность как один из первых критиков Карамзина, как глава нового критического направления, но затем испугался собственных последователей, которые «пошли» еще дальше, и в результате выглядел к концу 40-х гг. «защитником старого против нового», который к тому же «стоит на стороне Карамзина»². Причину этого Кавелин видел в том, что Погодин, «как и многие другие, отдался частностям...

забыл главное – целое прошедшее воззрение, которое нужно было изменить с корня». В результате он, «очень удачно нападая на Карамзина в отдельных фактах и явлениях исторических, остался при нем в целом, и так и не понял или забыл свое призвание в русской исторической литературе»³. Рецензируемая книга имела в глазах Кавелина прежде всего историографический интерес, позволяя представить эволюцию исторических взглядов Погодина.

Написанную им в 1825 г. статью «О характере Иоанна Грозного» Кавелин считал «критической»⁴. В ней Погодин не соглашался с Карамзиным, считавшим, что Иван IV был идеалом царя до смерти своей первой жены Анастасии и извергом после ее кончины. Полагая подобное превращение неестественным, Погодин утверждал, что «Иоанн никогда не был велик» и, будучи человеком ничтожным, сначала находился под влиянием людей, искавших пользы для страны, и им-то, а не царю Россия обязана

¹ Кавелин К.Д. Собр. Соч.: В 4 т. – СПб. 1897 – 1900. – Т. 1. – Стлб. 223.

² Там же, стлб. 225.

³ Там же, стлб. 225–226.

⁴ Там же, стлб. 227.

реформами начала царствования; когда же Иван IV освободился от этой зависимости, он дал волю своим дурным свойствам⁵. Не разделяя взгляд Погодина на Ивана IV, Кавелин видел в его рассуждениях «шаг вперед в нашей исторической критике»⁶. С тех же позиций он рассматривал и статьи об убийстве царевича Дмитрия и о первом самозванце, в которых видел достоинство «чисто критическое», продиктованное стремлением отбросить «непонятное, бессвязное, баснословное в нашей истории» и противопоставить им «догадки, разбор существующих представлений и обличение их несообразности с здравым рассудком и естественным, необходимым порядком вещей»⁷.

Затем Кавелин разбирает статьи Погодина, в которых он уже усматривает больше недостатков, чем достоинств. Отмеченное им в ранних статьях «отсутствие собственно исторического смысла» в еще большей мере, по его мнению, сказалось в последующих работах Погодина. В них ослабла критическая сторона, а там, где Погодин «начал прагматизировать, оказалось, что он ни на шаг не ушел дальше Карамзина... к недостаткам карамзинского взгляда присоединил еще несколько и от себя»⁸. В статье «Взгляд на русскую историю» (вступительная лекция, прочитанная Погодиным в 1832 г.) Погодин, по словам Кавелина, не показал внутреннего развития России и даже не поставил вопроса о необходимости его изучения. «Недовольный частностями в истории Карамзина, он остался ею доволен в главном и целом», т. е. не посягнул на общенациональные построения автора

«Истории государства Российского»⁹. Бесплодными считал Кавелин и попытки Погодина отвлеченно противопоставлять друг другу русские и западноевропейские институты (феодализм и удельную систему, продолжение традиций Римской империи и Византии, монгольское иго и крестовые походы и т. п.). Он указывал на необходимость выяснения внутренней связи событий в русской истории, рассмотрения «совокупности народной жизни», изучения «истории народа как саморазвивающегося живого организма, в строжайшей постепенности изменяющегося вследствие внутренних причин, которым внешние события служат или выражением, или только поводом к обнаружению».

Кавелин прямо противопоставлял концепции Погодина этот новый взгляд на историю, который он разрабатывал вместе со своими сторонниками. При этом он замечает, что новый подход к историческим событиям, в основе которого лежит «прозаический взгляд», имел одним из следствий то, что «много прекрасных благородных мечтаний улетело с этим новым прозаическим взглядом на историю». К таким «улетевшим мечтаниям» Кавелин относил, в частности, идеализацию «первоначального быта славян»¹⁰. В изложении Погодина, не приемлющего нового взгляда на историю, Кавелин отмечает постоянное стремление объяснять исторические события фатальными обстоятельствами, отсутствие попыток искать между ними глубокую причинно-следственную связь. Так, реформа Петра I, в трактовке Погодина, является отдаленным следствием смерти царевича Дмитрия, повлекшей за собою пресечение династии Рюриковичей, и т. д.¹¹.

⁵ Там же, столб. 227–228.

⁶ Там же, столб. 228.

⁷ Там же, столб. 229.

⁸ Там же, столб. 229–230.

⁹ Там же, столб. 231.

¹⁰ Там же, столб. 233.

¹¹ Там же, столб. 233–234.

В результате русская история у Погодина, по его собственным словам, — «целый курс психологии в лицах», а многочисленные исторические события «суть такие романы, которых никогда не могло бы создать богатое воображение Вальтера Скотта»¹². С особенной резкостью выступает Кавелин против заключительного вывода Погодина, гласящего, что «Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия». Так в рамках академической рецензии выступил политический смысл научных дискуссий историков. Сдержанно, но достаточно определенно Кавелин дал понять, что он не только не согласен с трактовкой Погодиным событий прошлого, но и не разделяет его политических идеалов. «Читатели видят, что г. Погодин часто смешивает политику с историей и что это смешение не всегда ему дается», — замечает он¹³.

В статьях «О Москве» и «Приращенная Москва» Погодин изложил свой взгляд на исключительную роль, которую сыграла Москва в истории России. При этом он говорил, что Москва «займет, может быть, еще много великих страниц в книге судеб Русских, Европейских и человеческих»¹⁴. Кавелин, соглашаясь с доводами Погодина о большом значении Москвы до конца XVII в., с тем, что «Москва есть корень, зерно, семя Русского Государства», возражал против его утверждения, что «все части, составляющие нынешнюю Российскую империю, суть приобретения Москвы, так что всю Россию можно в этом смысле назвать распространившеюся Москвою»¹⁵. Это

положение неверно «со времен Петра, когда правительственным центром России стал Петербург и события перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими»¹⁶. Поэтому, считал Кавелин, статья написана «с древнемосковской точки зрения»¹⁷.

Статьи Погодина о местничестве привлекают внимание Кавелина как своими сильными сторонами — большим материалом и ценными наблюдениями, так и слабыми — показывающими, что Погодин выступает больше как археолог, а не историк. При этом он противопоставляет им упомянутую статью Соловьева в «Московском сборнике», которая показывает «постепенное развитие, изменение понятий о старшинстве». Кавелин подчеркивает, что возникновение местнических счетов было шагом вперед в древней Руси, поскольку ослабило род и способствовало упадку исключительно кровных отношений¹⁸. Что же касается первой половины удельного периода, то в нем он усматривал почти полное господство родового начала, которое, хотя и было непродолжительным в силу отсутствия в древней Руси юридической определенности, исключало применение местнических счетов и понятий к междукняжеским отношениям. Поэтому важным пробелом в работе Погодина Кавелину представлялось то, что тот недостаточно четко отделяет «различные фазисы удельного периода и княжеских отношений» и никак не оценивает значение удельных отношений в русской истории¹⁹. Историк, в отличие от археолога или простого любителя старины, должен, по мнению Кавелина, обра-

¹² Погодин М. П. Историко-критические отрывки. — М., 1846. С. 12.

¹³ Там же, с. 15.

¹⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 236.

¹⁵ Погодин М. П. Историко-критические отрывки, с. 163.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 240.

¹⁸ Там же, стлб. 241.

¹⁹ Там же, стлб. 240.

щать особое внимание на выяснение обстоятельств процесса исторического развития.

Этот недостаток усматривал Кавелин и в написанной в 1841 г. статье Погодина «О Петре Великом». Солидарный со славянофилами в противопоставлении Москвы Петербургу, Погодин в отличие от них признавал большое значение реформ Петра I. Он приводил многочисленные примеры того, что нововведения Петра I вторглись во все стороны государственной жизни и быта России, что современные ему люди на каждом шагу сталкиваются с последствиями реформ первой четверти XVIII в. Но Погодин видел в реформах не следствие общего исторического развития России, а результат личного произвола Петра I. Поэтому, говорит Кавелин, даже после повторного чтения статьи Погодина «не остается в голове никакого результата, и вопрос о великой реформе представляется мыслящему человеку столько же таинственным, загадочным, как и прежде»²⁰. Погодин, по мнению Кавелина, «вероятно, имел в виду также мнение, что реформа Петра, по крайне ограниченному, полу-восточному состоянию страны, в которой она произошла, носила и должна была носить чисто личный характер, так что ее единственный двигатель – Петр, был для России все; что он действовал как ее воплощенный идеал, и во имя ее же действовал как ее воспитатель, исправитель, опекун и наставник»²¹. С некоторым удивлением отнесся Кавелин и к утверждению Погодина, что с Петра I началась новая эпоха в истории человечества – западно-восточная, европейско-русская, в которой «западная пытливость» будет освящена «восточной верой». Удивление Кавелина по поводу такого

«европейско-русского синтеза» усиливается тем, что Погодин благоволил к Востоку и не благоволил к Западу, «следовательно, не совершенно беспристрастен к тому и другому»²².

Разбирая статьи «Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала» и «За русскую старину», написанные Погодиным в 1845 г., Кавелин отмечает, что они развивают мысль, высказанную еще во вступительной лекции 1832 г., о параллелизме между историей России и европейских государств, существовавшем, несмотря на несходство и даже противоположность их развития²³. Во имя этого «параллелизма» Погодин в статье «Бретань и ее жители» доказывал наличие в русской истории «среднего века», который он всячески идеализировал²⁴. Необоснованность подобного идиллического изображения древней Руси Кавелин доказывал самой необходимостью «полной и радикальной реформы» начала XVIII в. Здесь же Кавелин вновь подчеркивал свое отрицательное отношение к охранительским настроениям Погодина. «Желая сделать из русской истории «охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия», он непременно требует, чтоб и она имела свой средний век, после которого, как известно, и начала развиваться полиция предупредительная. Иначе она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодиным»²⁵.

Рецензия Кавелина на трехтомный труд Погодина «Исследования; замечания и лекции о русской истории» носила несколько иной характер. В ней Кавелин оценивает значение работ Погодина для изучения

²⁰ Там же.

²¹ Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 340–342.

²² Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 241.

²³ Там же, стлб. 246.

²⁴ Там же, стлб. 247.

²⁵ Там же, стлб. 248, 249.

древнейшего периода русской истории, «который называется Варяжским и оканчивается смертью Ярослава (1504 г.)»²⁶. Кавелин полагал, что достоинства и недостатки этого труда, в котором Погодин собрал написанные им в разные годы работы с некоторыми дополнениями и изменениями в соответствии с новыми достижениями науки, определяются местом Погодина в русской исторической науке. При этом Кавелин повторял доводы, изложенные в рецензии на «Историко-критические отрывки». По его мнению, Погодин выступил на сцену в то время, когда характер исторической критики начал изменяться и из пригрозительных исследований стала рождаться история в собственном смысле.

Определяя место Погодина в русской исторической науке, касаясь его взаимоотношений с другими историками, Кавелин останавливается на полемике Погодина с М.Т. Каченовским, отмечая при этом положительные и отрицательные черты последнего. По мнению Кавелина, главная заслуга Каченовского состояла в том, что он «первый почувствовал неудовлетворенность прежнего, теперь мало-помалу исчезающего, натянутого, неестественного воззрения на русскую историю». Он видел в Каченовском человека «с талантом, начитанного, знакомого с требованиями науки и критикой», восставшего против Карамзина и попытавшегося «привести русскую историю к ее естественным размерам, снять с глаз повязку, которая показывала многое в превратном виде, и возвратить или, правильнее, привести нас к воззрению, равному времени, в которое совершались события». Однако, преследуя поставленную цель, Каченовский, как полагает Кавелин, «с жаром, достойным

великого уважения», «впал в крайность, которая существенно повредила его делу». По словам Кавелина, «вместо того чтоб из самой летописи и источников показать младенческое состояние нашего общества в IX, X, XI и последующих веках, он старался опровергнуть самые источники», отрицал существование кожаных денег в древней Руси, оспаривал подлинность Русской правды²⁷. «Все так называемые его ученики уцепились за букву и принялись опровергать подлинность летописей; ни один из них не схватил главной мысли Каченовского, и она на время была погребена».²⁸(28) Оценку Каченовского Погодиным Кавелин отвергает как «несправедливую, пристрастную, крайне ограниченную»²⁹. Кавелин убежден, что хотя Погодин казался победителем в этом споре, тем не менее «по своей точке зрения Каченовский вполне прав, гораздо правее г. Погодина»³⁰, и «на самом деле великим лицом в этом споре является не г. Погодин, а Каченовский»³¹. Все дело в том, что «вопрос, поставленный Каченовским, обойден, не понят, но «время не прошло, оно только настанет: Каченовский найдет себе защитников и продолжателей»³².

Кавелин, считая Погодина «толкователем, экзегетикой, а не историком в настоящем смысле слова», не способным подняться «до высшего исторического развития» и открыть новую эпоху, писал: «У него нет цельного взгляда на предмет, взгляда, в котором различные эпохи и фазисы хоть как-нибудь вязались бы между собою. У него есть светлые

²⁶ Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 439.

²⁷ Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 250.

²⁸ Там же, стлб. 95.

²⁹ Там же, стлб. 100.

³⁰ Там же, стлб. 100-101.

³¹ Там же, стлб. 99.

³² Там же, стлб. 101.

мысли, но нет ясной системы; есть ученые приемы, довольно удачные, но совершенно нет методы ... у него есть страсть, общая всем специалистам, – возводить в систему свою нелюбовь, нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет»³³.

Он спорит с Погодиным, для которого «что ни исследование с цитатами и всем ученым аппаратом, то уж непременно пустая фраза, непременно система, построенная из ничего»³⁴. Со своей стороны Кавелин настаивает на правомерности существования в исторической науке как практических, так и теоретических исследований. Невнимание к теоретическим занятиям и обобщениям он считает недостатком, присущим в целом русской исторической науке³⁵.

Как полагает Кавелин, Погодин, будучи противником систем и теорий, одновременно «сам как бы невольно их строит», поскольку «у него, современника Каченовского, было тоже какое-то смутное предчувствие цельного, полного взгляда на русскую историю»³⁶. При этом Погодин, по мнению Кавелина, «иногда наперекор фактам, преследует любимую мысль» и впадает в «исторический мистицизм». Наиболее ярко этот исторический мистицизм выразился в «Исторических афоризмах», в которых Погодин «остановился на точке какого-то благоговения перед каждым историческим событием, не стараясь объяснить его значение и место в целом историческом развитии. Мог бы умереть Игорь, да не умер, мог бы Олег иметь детей – да не имел, Святослав чуть-чуть не поселился в Болгарии, да очень

кстати случился тогда в Греции Цимисхий и помешал ему привести замысел в исполнение». Перечисляя эти примеры, Кавелин показывает, что у Погодина получается цепь событий без внутренней логической связи и какой-либо закономерности – «буква за буквой идет, и что-то выходит»³⁷.

Кавелин отмечает, что если следовать совету Погодина «молодым друзьям» русской истории, студентам университетов – до того как обратиться к «рассуждениям, толкованиям и высшим взглядам», собирать из всех доступных источников сведения об изучаемом предмете и уже только после этого переходить к выводам³⁸, – то можно получить «ряд прекрасных монографий», но не русскую историю. Кавелин считает, что Погодин преувеличивает одну часть задачи, стоящей перед историком, – исследование отдельных проблем, – и забывает о «второй, последней, окончательной, которая не может быть разрешена без пособия высших взглядов, теории, системы»³⁹.

Рассматривая последовательно 14 глав первого тома «Исследований» Погодина, Кавелин старается отметить как достоинства, так и недостатки. Он положительно отзывается об усилиях Погодина при помощи иностранных свидетельств доказать достоверность русской летописи⁴⁰, рассмотреть достоверность договоров русских князей с греками⁴¹, о главе VII, где Погодин делит Несторову летопись (но Лаврентьевскому списку) на части и показывает, откуда каждая могла быть за-

³³ Там же, стлб.101–102.

³⁴ Там же, стлб.102.

³⁵ Там же, стлб.104.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стлб.104–105.

³⁸ Там же, стлб.105–106.

³⁹ Там же, стлб.106.

⁴⁰ Кавелин К.Д. Собр. Соч., т.1, стлб. 107.

⁴¹ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I.: М., 1846. – С. XI.

имствована⁴². Но, коснувшись главы VIII, посвященной сказкам в Несторовой летописи, Кавелин находит, что «во всех трех томах нет такой слабой главы, как эта»⁴³. Он считает, что на основании сказок, помещенных в летописи, можно воссоздать «дух времени», но нельзя, как это пытается делать Погодин, устанавливать достоверность и точность фактов⁴⁴. Неудачной он считает и главу IX, в которой Погодин старается подкрепить достоверность летописи «свидетельствами современных близких туземных памятников, свидетельством современных иностранных писателей, географическими названиями, сохранившимися в последующих памятниках..., внутренними доказательствами и личным характером Нестора». Кавелин считает неубедительным доказательство достоверности летописи ее согласием с другими древнейшими памятниками, поскольку они сами могли быть заимствованы из летописи. Так, Погодин, замечает Кавелин, – признает, что «Слово Даниила Заточника» несет заметные следы такого заимствования. Этим путем можно доказать древность, но не достоверность летописи. Доказательства, основанные на названиях местности, также свидетельствуют о древности, но опять-таки не о достоверности летописи. Кавелин упрекает Погодина в том, что тот «позволяет себе много напыщенных фраз, воображает, что совершил патриотический подвиг, защитив летопись и летописца от нападок скептиков, а между тем в других этих фраз не терпит»⁴⁵. Поэтому он советует Погодину вместо звонких фраз обратить «внимание на несообразности, которые встречаются у Нестора, на беспорядок в его известиях, на

неумение согласить вставки с текстом, на то, что рассказ о походе Святославе не соображен с словами договора»⁴⁶. В главе XI о церковных уставах Владимира и Ярослава Кавелин находит лишь «повторение того, что уже говорил Карамзин, митроп. Евгений, Розенкампф – и против, и в защиту подлинности этих уставов»⁴⁷.

Он вновь останавливается на критике Погодиным взглядов Каченовского, обращая внимание на недопустимый, с его точки зрения, тон полемики, и указывает на ряд частных промахов в опровержениях Погодина⁴⁸.

Обратившись ко второму тому «Исследований», посвященному изучению «двух главных, основных элементов, из которых сложилась Россия: варяго-русов и славян», Кавелин не соглашается с распространённым тогда мнением, что этот вопрос «совсем не имеет той важности»⁴⁹. Подробно разбирая доводы Погодина и уточняя многие детали, Кавелин очень осторожен в выводах. Он высказывает по конкретным вопросам лишь предположения. В частности, он допускает, что варяги были не германского происхождения, а славянского⁵⁰. Но в целом он считает проблему очень важной, поскольку в его подходе к рассмотрению русской истории большое значение имел ответ на вопрос, какой «элемент принесли с собой варяги», так как во всем внутреннем устройстве Московской Руси, считал Кавелин, можно усмотреть «отголосок варяжского элемента»⁵¹. Например, в «Русской правде» он видел прямое доказательство того, что князь сам выпол-

⁴² Там же, стлб.109.

⁴³ Там же, стлб.115–116.

⁴⁴ Там же, стлб. 118–122.

⁴⁵ Там же, стлб.122.

⁴⁶ Там же, стлб.125.

⁴⁷ Там же, стлб.125.

⁴⁸ Там же, стлб.126.

⁴⁹ Там же, стлб.130.

⁵⁰ Там же, стлб.126, 131–136.

⁵¹ Там же, стлб.137.

нял судебные функции. Он считал, что ограничение княжеской власти наступило позднее⁵².

Кавелин не соглашался с Погодиным, мимоходом отрицавшим существование феодальных отношений на Руси. По его мнению, ряд свидетельств подтверждал предположение о феодальных порядках при варягах⁵³. К ним он относил упоминания о договорных отношениях между князем и дружинниками⁵⁴, текст договора Игоря с греками, из которого вытекало наличие на Руси не одного князя, а нескольких, находившихся в вассальной зависимости от великого князя, что подкреплялось и свидетельством Константина Багрянородного⁵⁵. Кавелин не придавал значения личности самого Рюрика, возражал против идеализации деятельности варяжских князей⁵⁶. Он полемизировал с Погодиным, который считал, что решительные действия участников восстания в Киеве в 1068 г. объяснялись влиянием варяжского элемента. Впрочем, оба, и Погодин, и Кавелин, не попытались вскрыть внутренние причины этого восстания, а лишь рассуждали о возможном воздействии на характер событий посторонних причин.

Одобрительно отзывавшись о главах, дававших обстоятельные сводки летописных свидетельств о военном деле на Руси, Кавелин делал ряд уточнений, используя разнообразные, в том числе и арабские, источники⁵⁷.

Главу VIII о древнерусской торговле Кавелин называет «образцом историче-

ской критики»⁵⁸. Вместе с тем он считает, что Погодин смотрит на торговлю в VIII, IX и X вв. «глазами нашего времени» и преувеличивает ее значение. Сам Кавелин считает, что торговля в те времена была транзитной⁵⁹, носила более пассивный, чем активный характер, добавляя, что такой она была до Петра I. Он не согласен и с тем, что области, через которые проходили торговые пути, были более развиты, чем остальные. Исключение он делает только для Новгорода и Пскова⁶⁰. В разборе этой главы сказалась приверженность Кавелина к юридическим отношениям, его недостаточное внимание к проблемам, выходящим за их пределы, в частности к вопросам экономики. В этом отношении «собираатель старины» Погодин невольно дал более широкое толкование причинам исторического развития России. В его рассуждениях можно отметить зачатки тех построений, которые впоследствии выдвинут историки, сторонники «экономического направления» и особенно В. О. Ключевский.

Коснувшись глав, посвященных религии, грамотности, языку и образованию⁶¹, Кавелин переходит к главе VII, содержащей обозрение юридического быта и законодательных памятников⁶². Он находит, что в ней Погодин дал поверхностный обзор законов и законодательных памятников, хотя и привел довольно удачно места из летописи, посвященные юридическому быту, сделав из них сравнительно удовлетворительные выводы. Говоря о главе X «Формация государства», в которой Погодин изложил свой общий взгляд на исторические явления, Каве-

⁵² Там же, стлб. 143–149.

⁵³ Там же, стлб. 138.

⁵⁴ Там же, стлб. 159–160.

⁵⁵ Там же, стлб. 163.

⁵⁶ Там же, стлб. 163–164.

⁵⁷ Там же, стлб. 167.

⁵⁸ Там же, стлб. 170–171.

⁵⁹ Там же, стлб. 172–173.

⁶⁰ Там же, стлб. 173.

⁶¹ Там же, стлб. 175.

⁶² Там же, стлб. 176.

лин признает «долю правды» в том, что Погодин рассматривает изучаемый период как «первоначальную историю народа», когда еще нельзя проследить проникнутое «одним духом» органическое развитие истории. Считая обоснованным стремление Погодина отмежеваться от «отвлеченного схоластического воззрения», Кавелин вместе с тем называет серьезной ошибкой этого историка отказ от выработки строго логического обоснования закономерности исторического развития, связанные с ним увлечение частными вопросами и объяснение исторических событий случайным стечением обстоятельств⁶³. Коснувшись при разборе главы XI взгляда Погодина на «параллель Русской истории с историей Западных Европейских государств», Кавелин утверждает, что история России и история стран Западной Европы «до того различны между собою, что при всех видимых, случайных, иногда разительных сходствах, нет никакой возможности сравнивать их между собою»⁶⁴. Признание своеобразия русской истории было характерно в 40-е гг. XIX в. для представителей различных направлений в русской историографии. Н.П. Павлов-Сильванский писал, что своеобразие русской истории казалось тогда неоспоримым. Он отмечал, что в этом пункте западники, в том числе и Кавелин, соглашались со славянофилами⁶⁵.

Вывод

Рассуждая, в чем главная причина резкого несходства между историей России и стран Западной Европы, Кавелин считал весьма вероятным, что она — «в различии элементов, исторической почвы,

на которой совершались события», в частности в особенностях «удивительного» славянского племени, «ключая к национальному характеру» которого еще нет, несмотря на то что о нем написано и сказано очень много⁶⁶. Погодин, полагает Кавелин, «тоже чувствует это различие, но проводит его не до конца»⁶⁷.

Здесь в споре Кавелина с Погодиным сложилось довольно оригинальное положение. Западник Кавелин настаивает на том, что между европейской и русской историей существует только случайное, поверхностное сходство, что аксиоматические положения в европейской истории, с помощью которых можно безошибочно судить об истории любого европейского государства, ничего не объясняют в русской истории. Близкий же к славянофилам Погодин, занявшись старательным выписыванием и сопоставлением данных, свидетельствующих об истории России и стран Запада, он приходит к заключению, что при всем различии они имели между собой много общего⁶⁸.

Кавелин считает, что, «действительно, русская история представляет совершенную противоположность истории западных государств, и даже теперь мы видим то же самое, хотя уже не столько резко, как прежде». Но эту противоположность он рассматривает как «противоположность предметов разнородных, которые потому только и различны, что решительно не имеют ничего общего между собою, ни одной точки одинаковой», и делает вывод: «Славянский мир и Россия, может быть, по

⁶⁶ Там же, стлб. 201.

⁶⁷ Муравьев В. А. Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского // История и историки: Историографический ежегодник. 1972.: М., 1973. — С. 358.

⁶⁸ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 201.

преимуществу, почва для будущего, тогда как жизнь европейских государств уже обозначилась»⁶⁹.

Завершая разбор трудов Погодина, Кавелин говорит о той задаче, которую решает история, о ее связи с современностью и будущим. Он пишет, что история исследует условия, в которых все народы земли стремятся к одному идеалу, хотя и различными путями. Историк должен «выяснить событие, период, эпоху так, как будто бы мы сами в ней жили и действовали». В таком случае даже в прошлые времена можно будет увидеть такого же человека, как современный. Различие будет лишь «в большей или меньшей его развитости». Движущее начало истории, главную причину изменений, реформ и переворотов Кавелин видел в стремлении человека «к полному, всестороннему нравственному и физическому развитию»⁷⁰. В связи с этим он говорил, что «в этом смысле есть, конечно, и в России люди, которые смотрят на наше прошлое, как на состояние неудовлетвори-

тельное в сравнении с последующим, даже маловажное и во всяком случае не заслуживающее того, чтоб об нем сожалеть». Однако утверждение Погодина, что «некоторые отказываются от своей истории», Кавелин называет «нелепостью, о которой не стоит и говорить». Он считает, что прошлое можно только судить, «судить очень строго, беспристрастно и желать, чтобы оно оставило по себе как можно менее следов и чтобы эти следы изгладились как можно скорее»⁷¹.

Литература

Кавелин К.Д. Собр. Соч.: В 4 т. – СПб. 1897 – 1900.

Муравьев В.А. Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского // История и историки: Историографический ежегодник. – 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 358.

Погодин М.П. Историко-критические отрывки. – М., 1846. – 453 с.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7 т. – М., 1846–1857.

⁶⁹ Там же, стлб. 202.

⁷⁰ Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 220

⁷¹ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции, т. 3, с. 500, 501